

1945г.

Иверг. 6 Марта 1942. Статий Агеев Куз
 о подвиге, до поставлен немцы мед. сест. Огнев " - что а бито

ДО ВЕЛИКОЙ Отечественной войны я жил в Алтайском крае, работал в финансовых органах.

23 июня 1941 года меня призвали в армию, а в первых числах июля наша часть, проехав Москву, выгрузилась в Калининской области и в первую же ночь под Ржевом получила боевое крещение.

Наш 71-й дорожно-эксплуатационный полк, сформированный на Алтае из сибиряков, непосредственно подчинялся Ставке Верховного Главнокомандования. Первую задачу нам поставили такую: дать постоянную дополнительную телеграфную связь между штабом фронта и Москвой (250 километров) и проложить гравийный тракт с Волоколамского шоссе, от города Лотошино, по полям и лесам, через деревни Иващенко, Орловка и другие до Погорелого Городища под Ржевом.

Под непрерывными бомбежками и налетами вражеских десантов мы задание выполнили и продолжали строительство постоянной связи и дороги от Ржева в верховья Волги, непосредственно к фронту.

Когда фашистские полчища двинулись на Москву, наш полк от дорожных работ перешел к обороне на подступах к Ржеву, потом с ожесточенными боями,

К 30-летию Великой Победы

через поля, леса, деревню Шум на Ладожское озеро.

По этой дороге со станции Войбанала через Ладогу сразу же стали доставлять продовольствие, войска и боеприпасы осажденному Ленинграду, обратно, вывозили тяжелораненных бойцов и гражданское население — в основном детей и стариков.

В ТЕ ГРОЗНЫЕ ГОДЫ

В конце декабря сорок первого личный состав нашей роты, кроме среднего комсостава, передали на пополнение в 861-й стрелковый полк. В его составе нам довелось сражаться с врагом в районе станций Мга, Воронovo, Синявино, Жихаревка.

На восьмом месяце моего боевого пути, 11 февраля 1942 года, меня тяжело ранило. Когда очнулся, то двигаться поначалу не мог. Руки не действуют, а ногами шевелить можно. От меня валил пар, мучила жажда. Рядом был пулемет «максим», из людей — никого.

Ртом хватил грязный от копоти снег и почувствовал себя

вую ногу и застряла под колесом. И еще впились небольшой осколок, однако нога продолжала подчиняться.

Здесь меня обнаружил командир соседнего взвода и послал за мной двух санитаров с лотком. За сбитой сосенкой они оказали мне первую помощь и вытащили из-под носа у немцев.

Доставили меня волоком на

перевязочный пункт, отсюда на лошади — в санчасть, потом автомашиной — по болотным кочкам, и под вражеским обстрелом — до санбата уж к вечеру.

Спустя шесть дней меня вывезли на станцию Жихаревка. Госпиталь там размещался в двухэтажном каменном здании. Раненых много. Рядом стояли зенитные орудия. Они вели сильный заградительный огонь, не давая фашистским бомбардировщикам бомбить госпиталь и прилегающий к нему район.

Вечером 22 февраля 1942 года одна из вражеских бомб все-таки попала в госпиталь. Я

должалась с небольшими перерывами весь день. Многие гонны разбило, в нашем окопилось лишь несколько пробойных осколков.

Провезли нас через Волхов Тихвин в рабочий поселок Бситогорск, где был госпиталь. Оттуда через месяц — в Кир Там меня постепенно поставили на ноги, восстановили правую руку, а левая так и осталась бездействующей. На фронт в нуться больше уже не довелось.

Свыше 32 лет прошло с тех пор, но разве все это забудется. Не забыт и мой скромный солдатский труд в те грозные годы. За боевые отличия меня наградили орденом Отечественной войны второй степени и четырьмя медалями.

Трудное было время. В первый год войны нам не суждено было продвигаться вперед, всегда удавалось и сдерживать врага. Но мы изматывали силы и готовили путь для шего наступления в последние годы. И как бы тяжело ни приходилось, мы верили нашу победу.

К. АГЕЕВ
 участник Великой Отечественной войны

От редакции.

Кузьма Лазаревич Агеев последние годы жил в д. Мешки, Спешковского сельсовета

**Агеев, К. Л. В те грозные годы / К. Л. Агеев // Знамя труда. – 1975.
– 6 марта.**

До Великой Отечественной войны я жил в Алтайском крае, работал в финансовых органах.

23 июня 1941 года меня призвали в армию, а в первых числах июля наша часть, проехав Москву, выгрузилась в Калининской области, и в первую же ночь под Ржевом получила боевое крещение.

Наш 71-й дорожно-эксплуатационный полк, сформированный на Алтае из сибиряков, непосредственно подчинялся Ставке Верховного Главнокомандования. Первую задачу нам поставили такую: дать постоянную дополнительную телеграфную связь между штабом фронта и Москвой (250 километров) и проложить гравийный тракт с Волоколамского шоссе от города Лотошино по полям и лесам через деревни Иващенко, Орловка и другие до Погорелова Городища под Ржевом.

Под непрерывными бомбёжками и налётами вражеских десантов мы задание выполнили и продолжали строительство постоянной связи и дороги от Ржева в верховья Волги непосредственно к фронту.

Когда фашистские полчища двинулись на Москву, наш полк от дорожных работ перешёл к обороне на подступах к Ржеву, потом с ожесточёнными боями, сдерживая противника, стал отходить к Волоколамску. Здесь левее нас сражалась Панфиловская дивизия, а наш полк занял позиции в самом центре города. Затем начались бои за город Истру, который от Москвы в 32-х километрах.

Поскольку наш полк был техническим, мы имели лишь винтовки, ручные и зенитные пулемёты. Несмотря на лёгкое вооружение, сибиряки дрались героически, и дорожно-эксплуатационный полк удостоен гвардейского звания.

Нас сменили свежие войска, а мы на переформировке в Рязанской области получили пополнение и 1 декабря 1941 года снова погрузились в эшелон. Поехали под Ленинград. С Тихвина обходным путём, лесами, пешком вышли к станции Войбокала. Отсюда мы снова под бомбёжками и обстрелами проделали автомобильную дорогу через поля, леса, деревню Шум на Ладожское озеро.

По этой дороге до станции Войбокала через Ладогу сразу же стали доставлять продовольствие, войска и боеприпасы осаждённому Ленинграду, обратно вывозили тяжелораненых бойцов и гражданское население – в основном детей и стариков.

В конце декабря сорок первого личный состав нашей роты, кроме среднего комсостава, передали на пополнение в 861-й стрелковый полк. В его составе нам довелось сражаться с врагом в районе станций Мга, Вороново, Синявино, Жихаревка.

На восьмом месяце моего боевого пути, 11 февраля 1942 года, меня тяжело ранило. Когда очнулся, то двигаться поначалу не мог. Руки не действуют, а ногами шевелить можно. От меня валил пар, мучила жажда.

Рядом был пулемёт «максим», из людей – никого. Ртом хватил грязный от копоти снег и почувствовал себя живее. Пришла мысль как-то отползти в сторону: через меня стреляли гитлеровцы. Попытался встать, это долго не удавалось, но всё же поднялся на ноги. В глазах замельтешили жёлтые и красные огоньки. Иду с ту сторону, куда отошли наши. Через 20 метров по мне застрочил немецкий автомат, и я снова упал: пуля попала в левую ногу и застряла под коленом. И ещё впился небольшой осколок, однако нога продолжала подчиняться. Здесь меня обнаружил командир соседнего взвода и послал за мной двух санитаров с лотком. За сбитой сосенкой они оказали мне первую помощь и вытащили из-под носа у немцев. Доставили меня волоком на перевязочный пункт, оттуда на лошади - в санчасть, потом автомашиной – по болотным кочкам и под вражеским обстрелом – до санбата уж к вечеру.

Спустя шесть дней меня вывезли на станцию Жихаревка. Госпиталь там размещался в двухэтажном каменном здании. Раненых много. Рядом стояли зенитные орудия. Они вели сильный заградительный огонь, не давая фашистским бомбардировщикам бомбить госпиталь и прилегающий к нему район.

Вечером 22 февраля 1942 года одна из вражеских бомб всё-таки попала в госпиталь. Я лежал в коридоре нижнего этажа на санитарных носилках возле круглой печки, обшитой железом. Каким-то чудом в числе трёх человек из всего госпиталя я остался живым.

На рассвете 23 февраля меня перевезли в товарный вагон. Туда же поступали и новые раненые с передовой. Но не успел наш эшелон тронуться, снова началась бомбёжка. Она продолжалась с небольшими перерывами весь день. Многие вагоны разбило, в нашем оказалось лишь несколько пробоин от осколков.

Провезли нас через Волхов и Тихвин в рабочий посёлок Бурситогорск, где был госпиталь. Оттуда через месяц в Киров. Там меня постепенно поставили на ноги, восстановили правую руку, а левая так и осталась бездействующей. На фронт вернуться больше уже не довелось.

Свыше 32 лет прошло с тех пор, но разве всё это забудется. Не забыт и мой скромный солдатский труд в те грозные годы. За боевые отличия меня наградили орденом Отечественной войны второй степени и четырьмя медалями.

Трудное было время. В первый год нам не суждено было продвигаться вперёд. Не всегда удавалось и сдерживать врага. Но мы изматывали его силы и готовили путь для нашего наступления в последующие годы. И как бы тяжело нам не приходилось, мы верили в нашу победу.

К. АГЕЕВ,
Участник Великой
Отечественной войны

От редакции.

Кузьма Лазаревич Агеев в последние годы жил в д.Меньшики Спешковского сельского совета. В минувшем году он умер, и уже не прочтёт своих строчек в газете.

В письме в редакцию Кузьма Лазаревич писал: «... если в печати не пригодится, убедительно прошу выслать обратно. У меня есть двое внучков, и пусть это останется им. Чтобы знали, какое участие в Великой Отечественной войне принимал, что перенёс их дед Кузьма».

На вырезке из газеты приписано рукой т. Мани:

Газетную вырезку со статьёй о своём брате Мария Лазаревна выслала внучкám-Каменевым в г.Белореченск с припиской на полях: «Четверг 6 марта 1975 г. Статья Агеева Кузьмы Лазаревича запачканая, это почтальон Ксения Леон. суёт в щель на воротах а была слякоть»